

К. В. ЧИСТОВ

ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА КУТАСОВА (1910—1941 гг.)

Иван Григорьевич Кутасов, один из значительнейших русских поэтов К-ФССР второй половины 30-х годов, родился в 1910 г. в Смоленской области. Годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны застали Кутасова в Рабочеостровске (ныне Кемский р-н К-ФССР), где его отец работал на местном лесозаводе.

Детство, проведенное в кемском порту, наложило определенный отпечаток на все творчество Кутасова. Поэт всегда чувствовал себя помором, многие стихи его связаны с морем, воспевают поэзию труда рыбака и матроса, щедро используют морскую символику. Целый цикл стихотворений первой половины 30-х годов рисует жизнь кемского порта.

Шестнадцати лет будущий поэт приезжает в Петрозаводск для поступления в Лесной техникум. С 1928 г. он начинает принимать участие в деятельности литературной группы при Карельской ассоциации пролетарских писателей.

После окончания Лесного техникума И. Г. Кутасов некоторое время работает на лесной опытной станции, а затем приглашается в редакцию республиканской газеты «Красная Карелия» в качестве литературного сотрудника промышленного отдела. С 1937 г. он переходит в редакцию альманаха (затем журнала) «Карелия», где работает в течение ряда лет ответственным секретарем.

Еще в 1926 г. И. Г. Кутасов становится активным комсомольцем; в Лесном техникуме он неоднократно избирается секретарем комитета комсомола. Активным общественником, писателем-большевиком был поэт и в дальнейшем.

Когда началась Великая Отечественная война, И. Г. Кутасов одним из первых пошел на фронт. В июле 1941 г. Петрозаводский истребительный батальон, бойцом которого был Кутасов, вступил в бой с врагом, рвавшимся к столице республики. Под Колатсельгой белофинская пуля оборвала жизнь бойца и поэта.

Писать стихи И. Г. Кутасов начал сравнительно рано. Уже в 1929 г. в газете «Красная Карелия» появляются первые стихотворения молодого поэта. В последующие годы его имя постоянно упоминается в статьях и

обзорах, посвященных творчеству русских поэтов К-ФССР. Таким образом, поэтическая деятельность И. Г. Кутасова длилась около 12 лет. Половина этого срока падает на годы формирования поэтической индивидуальности, годы поиска своей темы и своего поэтического почерка. В последние 4—5 лет перед войной И. Г. Кутасов становится зрелым поэтом, работает во всю силу своего своеобразного дарования. Наследство Кутасова невелико — около сотни стихотворений, очерков и рецензий и небольшой посмертный сборник «Запевы», изданный в 1943 г. Государственным издательством К-ФССР.¹

Кутасов был представителем поколения советских литераторов, пришедших в литературу в годы первой сталинской пятилетки. Его литературная деятельность развивалась в знаменательный для советской литературы период окончательной победы социалистического реализма как творческого метода советской литературы.

Поэтическая деятельность И. Г. Кутасова довольно четко делится на три периода, причем первые два (1929—1934 и 1934—1937 гг.), как говорилось выше, не имеют самостоятельного значения и могут рассматриваться лишь как подготовительные к активной поэтической деятельности И. Г. Кутасова в 1937—1941 гг. В дальнейшем мы остановимся подробно именно на этом последнем периоде, однако и о первых двух следует сказать несколько слов.

Первые стихотворения Кутасова, опубликованные им в 1929 г., оставляют совершенно определенное впечатление — это ученические опыты поэта, овладевшего минимумом поэтических приемов. Юный поэт нередко ищет поэтичности в «далеких» темах, известных ему по прочитанным книгам (например «Повесть о том, как шаман обманул самоеда»), либо с юной энергией воспевает борьбу со злыми стихиями («Песня моряка»), тоскует по боевому коню — верному товарищу во всех битвах, в которых он мысленно принимал участие («Перед трупом коня»). Живая действительность не проникает еще в стихи Кутасова, но, конечно, совсем не потому, что он был далек от нее. Общественный облик И. Г. Кутасова уже в эти годы совершенно определился: боевой секретарь комитета комсомола Петрозаводского лесного техникума, активный участник и организатор стеной печати, он был одним из представителей передовой, преданной большевистской партии и ленинскому комсомолу молодежи, принимавшей самое активное участие в социалистическом строительстве эпохи первой сталинской пятилетки. Однако молодой поэт еще не умеет находить точное образное выражение своей юной радостной взволнованности участника великих битв за социализм. Он полон веры в силы советских людей, перед ним широко раскрывается ясный, светлый мир, ждущий его труда. Характерно в этом отношении одно из его наиболее удачных стихотворений 1929 г. — «Сын рыбака». Отец героя этого стихотворения — бедный рыбак. Буря рвет его убогие снасти, и он гибнет. Так было в прошлом. Теперь же на помощь человеку пришли моторы и

Покорила, обуздала море
Сила молодого рыбака.

В этом стихотворении многое еще неопределенно. И отец — рыбак, ходивший в море на «шняке убогой», и его сын рисуются вне конкретных социальных условий. Побеждает не вооруженный моторами возникавший

¹ И. Кутасов. Запевы. Сост. В. Базанов и С. Сулимин. Госиздат К-ФССР, Тегозеро, 1943, 50 стр. В дальнейшем обозначается «З». См. рецензию В. Базанова на книгу: И. Кутасов. «Запевы», газ. «Лен. знамя», 28 сент. 1943 г., № 199 (6818).

в то время советский колхозный строй, а просто «молодая сила», именно она и волнует автора.

В то же время следует сказать, что даже в этих, еще очень несовершенных стихах Кутасов заявляет себя представителем боевого племени комсомольцев 20-х годов. Он полон энергии, силы и выражает это в образах радостного труда. В этом смысле современность несомненно присутствует в его стихах, как бы в качестве общего эмоционального фона.

Тема радостного труда, появившаяся уже в первых стихах Кутасова, займет в дальнейшем значительное место в его творчестве, станет одной из любимых тем поэта.

В 1930—1934 гг. Кутасов пишет сравнительно мало. Написанное им в эти годы свидетельствует о зреющем в сознании поэта желании овладеть стихом, способным решить важную политическую тему («На финской границе», «Наказ пограничнику», «На Онежском — прорыв», «Песня лесорубов» и т. д.). В его стихах заметны подчас следы учебы у Маяковского, Безыменского, Асеева и других поэтов начала 30-х годов. Для стихов и отдельных очерков этих лет¹ характерно переплетение темы труда и темы борьбы. Труд повседневный — это сражение за социализм. Обращаясь к рабочим Онежского завода, призывая их ликвидировать прорыв, Кутасов вспоминает о боевых традициях онежцев, прославивших себя в годы гражданской войны, и, наоборот, обращаясь к пограничникам, он называет их «рабочими военного цеха». В этом переплетении тем, ранее существовавших в его творчестве раздельно, безусловный знак времени, отзвук боевого энтузиазма трудовых сражений за социализм эпохи первой сталинской пятилетки.

Таким образом, достижения первого периода творчества И. Г. Кутасова невелики. Поэт еще юн и неопытен.

Уже с 1931—1932 гг. И. Г. Кутасов начинает работать в редакции газеты «Красная Карелия». Работа в газете несомненно сыграла большую роль в его творческой биографии, была для него настоящей политической школой и школой литературного мастерства. Постоянные выезды в районы, встречи с передовиками социалистического строительства, нацеленность на важнейшие события в жизни республики помогли ему правильно понять важнейшие принципы деятельности советского литератора и овладеть искусством краткого, ясного, выразительного и политически острого очерка.²

В эти годы основной темой творчества Кутасова совершенно естественно становится тема социалистического преобразования республики. Гигантский размах социалистического строительства — строительство Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина, оказавшего огромное влияние на всю экономику Карелии, строительство крупнейших предприятий — Сегежского и Кондопожского целлюлозно-бумажных комбинатов, переоборудование портов, механизация коллективизированного сельского хозяйства и лесной промышленности — обязывал поэта-газетчика осмыслить происходящее, увидеть и запечатлеть то новое, что рождал в сознании советских людей победный марш в социализм, художественным словом участвовать в его строительстве. Очерки Кутасова этих

¹ См., например, «Список благодетней», «Красная Карелия», 1932, 27 июня. № 147, стр. 3.

² См. «Лесной край — Олония», газ. «Красная Карелия», 1934; «Заводы в руках настоящих хозяев», там же; «Семья котельщика Буторина», там же, 1935; «Слесарь, музыкант, поэт», «Слюдянка», «Великое богатство», «Карельский мрамор» и др. там же.

лет близки к очеркам С. Норина, Н. Грибачева, Ф. Трофимова и других очеркистов, работавших в начале 30-х годов в газетах Карелии. Они рассказывают о людях сталинских пятилеток на новостройках Карелии, старательно разыскивают, обобщают и популяризируют новое в их отношении к труду и друг к другу, отмечают крепнущее сознание коллективизма и неизменный рост нового, советского патриотизма. Некоторые очерки написаны как будто торопливо — Кутасов воспитывает в себе умение стремительно реагировать, учиться находить в самой жизни типичное, помогающее раскрывать суть больших общественных процессов. Не случайно и многие его стихотворения этих лет напоминают очерки. За каждым таким стихотворением чувствуется наблюденный Кутасовым реальный факт, ощущается действительность, отображенная с большим или меньшим умением.

Однако в своих стихах Кутасов еще не сразу находит правильный путь. В этом отношении характерен небольшой цикл, получивший в сборнике «Запевы» название «О лесе». Отметим положительные качества этого цикла. Каждое стихотворение, входящее в этот цикл, — картина, воспроизводящая уголок леса со всеми его звуками, красками и запахами. Однако это не глухой девственный лес — глушь не вдохновляет Кутасова, он не стремится ее поэтизировать. В редких случаях, когда он рисует глухой темный бор, он делает это только для того, чтобы показать, как этот бор оживляется с приходом человека.

Только деятельность человека, утверждает поэт, способна превратить лес в предмет поэзии. Так, приход советских лесорубов в лес символически совпадает с началом весны.

С треском полягут сосны и ели,
 Ветви зеленые опадут...
 Здесь лесорубов пройдут артели,
 Длинной змеею обозы пройдут.
 Лягут лежанки зеркалом ровным,
 Хоботы дерриков вскинутся вверх
 И аккуратно толстые бревна
 Будут укладывать в мягкий снег.
 Кончат гулять по лесу метели,
 Станет погода тепла и ясна,
 И молодые сосны и ели
 К солнцу потянутся, —
 Это весна!
 Лед ломает на ламбах спокойных,
 В пену оденется шумный порог,
 И поплывут смолистые бревна
 По перепутьям речных дорог.

Лес, покинутый человеком, Кутасов называет «опустевшим лесом», лес этот «притаился, угрюмо замолк», именно не молчит, а «замолк». Пейзаж опустелого бора уныл и безрадостен.

В голых кустах пробирается волк,
 Виснут над лесом лохматые тучи,

туман ползет над «равнинами топких болот», «ветер качает деревья грубо», и т. д.

Такое нарочитое снижение поэтичности природы, отказ от ее поэтизации звучит как вполне сознательное стремление отказаться от приемов традиционной пейзажной лирики, ведущих свое начало от поэтов чистого искусства XIX в., против которых так горячо протестовал В. Маяковский. Таким образом, Кутасов выступает в этих стихах как поэт, уже испытывав-

ший на себе благотворное влияние советской поэзии, объявившей борьбу аполитичным традициям так называемой пейзажной лирики. Вместе с тем в стихах этих лет, особенно в названном цикле, Кутасов повторяет некоторые ошибки советских поэтов периода реконструкции (конструктивистов, поэтов «Кузниц», РАПП, вплоть до «Трагедийной ночи» Безыменского и т. п.), стремившихся к непосредственному отражению процессов труда в поэзии и насыщавших стихи специальными индустриальными терминами; описаниями машин и т. д. в ущерб изображению человека, создавшего эту технику и овладевшего ею в борьбе за социальное преобразование общества. Недаром издатели сборника «Запевы» вынуждены были комментировать почти каждую строку цикла, почувствовали необходимость объяснить специальные термины типа «стивидоры», «штабелер», «ледянка» и т. д. Механизмы живут в этих стихах самостоятельной бурной и поэтической жизнью. Только изредка слышится голос человека, мелькают человеческие фигуры:

Бревно за бревном поднимал элеватор,
Три смены работая, не уставал

или

Врезались пилы в бревно...

или

Стучали дробилки... и т. д.

Пафос механизации и автоматизации, энтузиазм первых дней механизированного наступления на лес неизменно владеет Кутасовым в эти годы. Лесозавод видится ему огромным и чудесным механизмом, созданным трудом советских людей.

Сердце поэта наполняется патриотической гордостью, он чувствует себя представителем молодой социалистической страны, овладевшей первоклассной техникой:

Это идет по всему миру
Наш
Первосортный
Советский лес.

Творцы этой новой техники постоянно имеются в виду, но они не изображаются поэтом, не живут в его стихотворениях. Машины, созданные светскими людьми, как бы движутся сами.

Трапы ложатся на борт покаты;
В рыхлую пыль роняя мазут,
Автовозы по ровным откатам
Доски спеша к пароходу везут.

Гигантские успехи социалистического строительства, преобразившего облик Родины, рождали естественное стремление сравнить настоящее с прошлым. Этой теме посвящены такие стихи, как «Письмо тов. Калинин», «Молодая республика» и др. В первом из них поэт обращается к М. И. Калинин, который в 1904 г. был сослан царским правительством в Карелию, он хочет рассказать ему

... Чем теперь стало
Место,
Бывшее раньше ссылкой...

рисует олонекскую глушь, сторону нехоженных троп и непуганных птиц, низкие деревеньки и беспредельные леса, одинокую дорогу, по которой водят ссыльных:

И по дороге горбатой этой
Медленно Вас повели в Повенец
В тот Повенец,
В котором света,
Как говорится, был конец.

Теперь же Карелия совершенно преобразилась, от старой Олонии не осталось и следа:

Ну, а сейчас в Повенце начало
Новой,
Совсем молодой реки,
Горы прорезала лента канала,
Который сработали большевики.

Однако здесь новое противопоставляется старому только внешне. Изменилось ли сознание людей, преобразующих природу, читателю это остается неизвестным.

В «Письме к тов. Калинин» социалистическое преобразование Карелии рисовалось не только внесоциально, но и суховато и риторично. В отличие от этого, в стихотворении того же года «Молодая республика» Кутасову удалось рассказать о великих победах первой сталинской пятилетки голосом участника социалистического строительства, превратить основную для второго периода творчества тему социалистического преобразования Карелии в большую лирическую тему. Именно поэтому стихотворение «Молодая республика» стало этапным произведением в творчестве И. Г. Кутасова:

Я молодость и веселье
Даю годам на расправу,
Я молодость и веселье
Свои в работу беру ...

Я слышу, грохочет трактор,
Зеленой равниной Олонца,
Я вижу, несут рыболовы
Ажурные невода,
Встает, разгораясь ярко,
Совсем молодое солнце,
И ноги мои ласкает
Взволнованная вода.

«Молодая республика» — это по существу маленькая поэма, близкая по замыслу к послевоенной поэме А. Титова «Обретенное счастье», ёмкий поэтический очерк нового, рассказ о достигнутых успехах одного из участников битвы за социализм:

Я вижу, огонь зеленый
Зажат в руке семафора...
Стоит у конца канала
Огромнейшая звезда,
И там, где паслись олени,
Глодают пространство скорые,
Грохочущие железом,
Стремительные поезда.

В этом стихотворении Кутасову впервые удалось избежать риторики. Взволнованный рассказ о новом строится на броских и точных зрительных образах, выбор и осмысление которых убедительно характери-

зуют сознание одного из участников строительства. Именно через раскрытие авторского сознания стремился Кутасов идти к широкому изображению человека эпохи социализма. Следующим шагом на этом пути явилось стихотворение «К морю». Возвратившись к излюбленной теме, такой близкой ему по воспоминаниям детства, Кутасов решает ее совершенно по-новому. Поэзия борьбы с морем понимается им теперь иначе.

Мы пройдем сквозь туман и бури,
Мы привычки знаем врага...
И окрасятся вновь лазурью
Седоватые берега.

В наши книжки запишет море
Полновесные трудодни...

Выезд рыбаков-колхозников в море рисуется как смелый и поэтический подвиг коллектива. Радостный коллективный труд рождает песню и требует песни. Поэтому не случайно Кутасов остановился здесь именно на песенной форме. Песня поется коллективом, она выражает сознание коллектива, органической частью которого становится и самое авторское сознание, поэтому «В море» было важно для Кутасова как первая его попытка создания советской массовой песни, как первая попытка решения задачи, которую поэт будет считать одной из важнейших в третий период своего творчества. Вместе с тем это стихотворение содержит элементы прямой поэтической декларации:

Бросим невод, затайдем песню
Нам работать и петь с руки,
Станет в море просторном тесно,
Когда рыбы пойдут косяки...

Для завершения беглой характеристики второго периода творчества И. Г. Кутасова следует сказать несколько слов еще об одной теме, также чрезвычайно важной для его творчества.

Противопоставляя новое старому, Кутасов пишет также о том, что это старое продолжает еще жить в странах капиталистического Запада. В «стихах о лесе» он рисует угрюмого капитана иностранного корабля, который с тревогой прислушивается к новым песням, звучащим на советском берегу. В стихотворении «Матрос» Кутасов показывает, что тревога эта имеет все основания.

Дожди задержали разгрузку иностранного парохода, пришедшего в советский порт. За простой придется платить золотом.

Тогда по порту прошел призыв:
«Нужно работать вдвойне».
Мы, в срок лесовоз нагрузив,
Окажем услугу стране.
И откликнулись все на призыв,
Работал и стар и мал...

Дружная работа коллектива советских портовых рабочих, свидетельствующая о рождении совершенно нового социалистического отношения к народному государству, к труду, к товарищам по работе, потрясает иностранного матроса, героя этого стихотворения:

Подумал матрос, рукава засучил
И... у лебедки встал.

Кутасов полон веры в революционные возможности лучших, прогрессивных людей капиталистических стран. В стихотворениях «Начало»

«Письмо в Канаду», «Экспорт» и др. он говорит о революционизировании сознания трудового народа Запада под воздействием могучего исторического примера нашей страны, рассказывает о его стремлении к разрешению все обостряющихся противоречий капиталистического мира. Протест трудящихся Запада подчас имеет еще наивные формы, но и в них залог будущего (см. «Начало»).

Следует отметить влияние стихов Маяковского о Западе на большинство стихотворений Кутасова, связанных с интересующей нас темой.

Итак, второй период творчества Кутасова был временем овладения основами поэтического мастерства и началом серьезного осмысления важнейших принципов эстетики социалистического реализма. В эти годы (1934—1937) Кутасов изучает творчество крупнейших советских поэтов, стремясь отыскать поэтические средства, соответствующие его темам и его темпераменту.

Третий период творчества Кутасова был наиболее плодотворным и значительным. Именно в эти годы (1937—1941) Кутасов показал себя интересным и своеобразным поэтом.

Героическая гибель Кутасова-солдата оборвала жизнь Кутасова-поэта, переживавшего начальный период настоящей поэтической зрелости и далеко не исчерпавшего всех возможностей своего дарования.

Творчество И. Г. Кутасова последних лет развивалось в период завершения построения социализма и начала постепенного перехода к коммунизму.

Важнейшая тема Кутасова в эти годы — тема победившего социализма. Стихи, песни, поэмы, очерки, рассказы и статьи, которые он пишет в 1937—1941 гг., сливаются в один торжественный гимн, прославляющий народ, одержавший историческую победу.

Последние годы творчества Кутасова проходят под знаком горячего интереса к народному творчеству и активного использования его поэтических достижений. С другой стороны поэт усиленно работает над созданием массовой карело-финской песни. И первое и второе несомненно не случайно.

В 1936 г. на VIII Чрезвычайном съезде Советов была принята Сталинская конституция, которая подвела итог славным успехам социалистического строительства в нашей стране. В годы создания мощной тяжелой индустрии и крупного коллективизированного сельского хозяйства в советской стране произошла великая культурная революция, обусловившая новый подъем советского искусства, обогащенного новым социалистическим содержанием.

Для карело-финского народа предвоенные годы были годами завершения национально-государственного строительства, годами возникновения Ссоюзной Карело-Финской Советской Социалистической республики.

Вторая половина 30-х годов войдет в историю советского народа как эпоха небывалого расцвета народного творчества. Советский народ творит в эти годы новое искусство — искусство победившего социализма. Приобщение широких масс трудового народа к лучшим достижениям культуры, массовое художественное творчество и необыкновенная активность сказителей, донесших до эпохи социализма лучшие достижения, традиции народного творчества, прочно вставших в эти годы на путь новаторства, — с одной стороны, крупнейшие успехи советской литературы в ее борьбе за действительную народность, за овладение методом социалистического реализма, с другой стороны, обусловили неослабевающий

общественный интерес к народному творчеству и стремление многих писателей к овладению его поэтическими богатствами.

Во второй половине 30-х годов в народном творчестве получает совершенно исключительную популярность тема «найденной правды» и осуществленных «чаяний и ожиданий народных». Значительная активность бытования произведений традиционного народного творчества в эти годы, наряду с возникновением новых произведений, прямо отражающих современную жизнь советского народа, безусловно объясняется не только всеобщим вниманием к народным сказителям, но и стремлением осознать современность как воплощение вековых надежд и идеалов народа (нашедших свое выражение в старом, традиционном народном творчестве). Советский народ осознает себя в эти годы не только законным наследником всего лучшего, что было создано в прошлом, он осознает историческое значение своих побед, открывших новую страницу мировой истории. Именно так и раскрываются в народно-поэтических произведениях тех лет темы осуществленных «чаяний и ожиданий народных» и «найденной правды».

Интерес, который проявляет И. Г. Кутасов во второй половине 30-х годов к народному творчеству, органически связан также и с важными явлениями советской литературы и литературоведения той поры.

В 1934 г. на I съезде советских писателей А. М. Горький обращал внимание наших литераторов на неисчерпаемые богатства народной поэзии. С 1935 г. под руководством редакции «Правды» издательством «Две пятилетки» была начата капитальная работа по сбору советского народного творчества, результатом которой явилось издание «золотой книги» советского фольклора — «Творчества народов СССР». Работа, сопровождавшая подготовку этой книги к печати, и затем появление ее в свет вызвали целую волну публикаций сборников, статей, материалов по советскому народному творчеству отдельных республик и областей, не ослабевавшую вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1936 г. на страницах «Правды» в связи с ошибочной пьесой Д. Бедного «Богатыри» были поставлены и решены основные вопросы изучения традиционного народного творчества.

Значительные события происходят в эти годы в советской поэзии. С 1934—1935 гг. обращается к народной песне и частушке и начинает активно создавать советские массовые песни М. Исаковский, по этому же пути идут А. Твардовский, А. Кулешов, А. Чуркин, Л. Ошанин, И. Френкель и другие поэты, стремящиеся к созданию нового народного искусства (особенно песни), которое впитало бы в себя лучшие элементы литературной, книжной и устной народной поэзии. В этом же направлении развиваются и поэты «старшего» поколения — А. Сурков, Н. Асеев, А. Безыменский и др.

30-е годы в истории карело-финской литературы были периодом активного и дружного сотрудничества писателей и сказителей. Молодая карело-финская литература опиралась в своем развитии на богатейшие традиции народного творчества республики, создавшего в прошлом руны «Калевалы» и русские былины, карельские сказки и поморскую лирическую песню, вошедшие в золотой фонд социалистической культуры нашей Родины.

В 1935 г. широко отмечается 100-летие первого издания «Калевалы», начинается энергичная работа по собиранию и изданию карельского и

русского народного творчества в республике¹, ежегодно собираются конференции сказителей, в которых принимают участие писатели. В ССР К-ФССР возникает фольклорная секция. В 1934—1935 гг. поэт Н. Грибачев и фольклорист А. Нечаев выступают с рядом статей, в которых пропагандируют активное обращение писателей к народному творчеству. Н. Грибачев пишет цикл стихотворений по мотивам карельских народных эпических песен, прозаики Г. Фиш, С. Норин и А. Линевский собирают и творчески обрабатывают устные народные рассказы о гражданской войне в Карелии. С. Норин активно использует народное творчество в рассказах «Медвежья гора», «Источник молодости» и др. В. Чехов в работе над романом «Возмутители» привлекает материалы русского народного творчества XVIII в. и т. д. В эти же годы развивается творчество В. П. Гудкова, энергичного собирателя и популяризатора карельской народной поэзии.

В этом движении активнейшую роль играет И. Г. Кутасов.

Как уже упоминалось, во второй половине 30-х годов он внимательно изучает и поэтически осваивает русское и карельское народное творчество республики.

Обращение к народному творчеству открыло И. Г. Кутасову новые средства поэтического изображения великих перемен, происшедших в стране. Однако к правильному пониманию и творческому использованию народной поэзии он приходит не сразу.

В 1936—1937 гг. в стихах Кутасова впервые начинает звучать тема «Калевалы», в которой он видит высокое воплощение поэтической одаренности карело-финского народа. Вначале эта тема развивается примитивно и поверхностно. Так, например, в стихотворении «Карьяла» (1937 г.) среди многочисленных бытовых деталей, при помощи которых поэт пытается воссоздать облик дореволюционной Карелии, упоминается и обычай петь печальные руны и мечтать о чудесном Сампо. В конце стихотворения безрадостной картине старой Карьялы противопоставляется время, когда

... в порыве великом
Поднялись народы свободной земли...

И вот только теперь —

Звучит наше кантеле
Радостной песней,
О Сампо, рожденном в страде боевой,
О солнце, которого нету чудесней,
Что светит для всех над моею страной.

В других стихотворениях 1937—1938 гг. (например «Кантелист» и др.) Кутасов постоянно говорит о любви карел к рунам и мастерам их исполнения, причем эта любовь обычно мотивируется чисто эмоционально.

Руны любят, потому что они поэтичны и просты, потому что красив их напев:

... их слова просты и мудры...
Вторит долгой их беседе
Буйный лес зеленокудрый.

¹ Подготавливается и выходит в свет сборник «Сказки и песни на Онежском заводе», «Сказки Карельского Беломорья» (т. 1—2), «Сказки Ф. П. Господарева», «Старая и новая Карелия в частушке», «Былины Пудожского края», «Былины П. И. Рябина-Андреева», «Русские плачи Карелии», «Сказы и плачи о Ленине», «Сказания о героях Арктики», «Красная Армия в народном творчестве», «С. М. Киров в народном творчестве», «Творчество народов К-ФССР» и др.

Даже дети утихают —
Только кантеле слышат.
Ветер песне той внимает
И в траве цветы колышет.
Солнце в вешнем небосводе
Разгорается лучисто,
Любят все в родном народе
Рунопевца, кантелиста.

Значительно серьезнее тема народного творчества раскрывается в стихотворении «Запев» (1940 г.). В «Запеве» Кутасов говорит об исторической преемственности традиций. Советский народ наследует все лучшее, что создавали карелы в предшествующие эпохи:

Загадали мы желанье,
Дума в сердце нам запала.
В руки кантеле возьмем мы,
Чтобы спеть вам предков песни,
Вейнемейнена напевы,
Руны древней Калевалы.

Песня, которую карелы пронесли сквозь века угнетения и нищеты, только в наши дни может звучать свободно и открыто. Но советский народ не просто повторяет песни прошлого:

Только в этой песне старой
Новые звучат напевы —
Не печаль поют, а радость
Кантеле родные струны.

«Песни гнева и печали» становятся песнями радости, потому что советский народ трудится вольно и живет счастливо. Стихотворение заканчивается торжественным гимном солнцу, который заставляет вспомнить гимн солнцу из «Калевалы», пропетый Вейнемейненом (руна 49). В устах древнего песнопевца этот гимн был песней-заклинанием, страстным выражением мечты. В «Запеве» Кутасова гимн солнцу уверенно и торжественно восхваляет победу, одержанную народом.

И над нами солнце всходит
Озаряя лес и горы,
Согревая землю нашу
Материнским взором ясным,
Расходясь лучами счастья
В необъятные просторы.
И поем мы солнцу славу:
— Здравствуй солнце! Ты, сияя,
Будешь нам светить на радость
Нескончаемые годы,
Согревать леса, озера
И поля родного края,
Освещать дела и песни
Возрожденного народа.

Вместе с тем, и в этом стихотворении Кутасов проходит мимо идеологического содержания старых рун. Поэтому идея исторической преемственности не раскрывается и здесь с достаточной глубиной. И все же стихотворение «Запев» сыграло важную роль в творчестве поэта. Именно в «Запеве» со всей ясностью сказалось стремление Кутасова к выработке такого поэтического стиля, который сочетал бы в себе максимальное использование элементов фольклорной поэтики с достижениями современного книжного стиха. Однако это ему не всегда еще удается, он иногда решает свою задачу несколько упрощенно, имитируя

элементы народного стиля, вместо их органического усвоения. В «Запеве» Кутасов использует не только ритмический рисунок карельских рун, он не удерживается подчас от прямых цитат из «Калевалы», например:

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства,
Мы споём с тобою вместе,
Общее промолвим слово, и т. д.¹

находя в этих цитатах стилистическое выражение исторической преемственности традиции, прямо высказанной в тексте стихотворения.

Кутасов стремится овладеть не только формой народного стиха, он старается постичь самый способ поэтического видения мира, свойственный карельским эпическим песням. Поэтому он воспроизводит и характерную двухстрочную строфику со специфическими перифразами во второй строке.

Совершенно так же, как в рунах, природа у Кутасова не изображается неподвижно, она созвучна настроениям человека, сочувствует ему и органически с ним связана. Например:

День у нас трудом украшен,
И весельем вечер полон.
И шумят леса приветно,
И звенят, колышась, травы,
И в озерах серебристых
Голубые плещут волны, и т. д.²

Кутасов далеко не всегда просто повторяет поэтические приемы рун, многие из них подвергаются в его стихах решительному переосмыслению. Уже говорилось о совершенно новом звучании, которое придал он гимну солнцу. «Запев» при всем внешнем сходстве с руной никак нельзя назвать руной — спокойным эпическим повествованием, которое ведется одним рунопевцем. «Запев» — коллективная песня, песня, исполняющаяся хором, — торжественная оратория, прославляющая радость победы. Не случайно в отличие от первой руны «Калевалы», где говорится:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу

«Запев» начинается так:

Загадали мы желанье,
Дума в сердце нам запала, и т. д.

Двустрочные строфы, о которых говорилось выше, Кутасов спаривает перекрестной рифмовкой в многостопные торжественные четверостишья, вполне соответствующие основной идее стихотворения. Мы остановились на этом стихотворении так подробно потому, что оно кажется нам типичным для последних лет творчества Кутасова. Кроме того, многие качества стиля, ясно выраженные в «Запеве», легли в основу крупнейшего и лучшего произведения Кутасова, его поэмы «Две жизни». Прежде чем перейти к анализу этой поэмы, следует сказать, что в 1937—1940 гг. Кутасов непрерывно работает над уяснением идеологической ценности традиционного народного творчества и внимательно следит за всеми новинками советской народной поэзии. Об этом свидетельствуют такие его стихи, как «Сказка», вольный поэтический перевод с карельского руны «Смерть, спрятанная в море», написанные совместно с В. Чеховым

¹ «З», стр. 10, см. руну 1-ю «Калевалы».

² «З», стр. 11.

и переложенные для детей «Кумоха», «Как ворона лису обманула», а также рецензии на новые издания по народному творчеству К-ФССР, очерк о сказочнике-орденоносце М. М. Коргуеве и т. д.

Любопытно параллельное создание очерка о М. М. Коргуеве и стихотворения о нем же — «Сказка». Сказка, рассказанная Коргуевым, совершенно правильно раскрывается в этом стихотворении как поэтическое выражение мечты народа о свободной и радостной жизни:

Перестанут слезы литься,
Солнце красное взойдет,
Как добудем мы Жар-птицу
И ковер тот самолет.
И тогда ковер крылатый
Нас умчит в далекий путь,
Где свободно и богато
Люди в радости живут...

Таким образом, в «Сказке» Кутасов преодолевает основной недостаток, свойственный другим его произведениям интересующего нас тематического круга. Следует отметить, что в «Сказке» поэт преодолел и риторичность — другой существенный недостаток многих его стихотворений. «Сказка» — эпизод из быта поморов, характеризующий место и значение народной поэзии в жизни народа:

Целый день мы были в море.
Путь не легок и далек.
Замаячил на просторе
Одинокий островок.
Пал обедник нам попутный,
Лодка легкая быстра...
Как тепло и как уютно
Темной ночью у костра!
Сели в круг.
— Матвей Михалыч!
Ты нам сказку расскажи.
— Чай, вы эту не слышали:
«Жил да был один мужик»... и т. д.

Кстати говоря, в «Сказке» очень точно передана особенность исполнительского мастерства М. М. Коргуева — простота и задушевная непосредственность. Герои сказок Коргуева, как правило — люди, живущие на море и связанные с морем. Очень часто это не «герои вообще», действующие в некоем сказочном мире, а люди поэтизированного карельского Беломорья. Именно так и говорит Кутасов —

«Жил да был один мужик»...
Хороша ты, сказка-складка,
Сказка — небыль, сказка — быть.
«...И однажды, вот, ребята,
Вышел из дому бобыль,
Подошел ко Белу морю,
Видит, лодочка плывет, и т. д.

В стихотворении не говорится прямо о воздействии сказки на слушателей, однако раскрытие смысла сказки, о которой мы говорим, вполне гармонирует с общим лирическим строем стихотворения и особенно с заключительной строфой, как бы зовущей в морскую даль.

И пошли мы снова в море, —
Путь не легок и далек...
Затерялся на просторе
Одинокий островок.

«Запев» и «Сказка», написанные Кутасовым почти одновременно, отражают равный интерес поэта и к карельскому и русскому народному творчеству. Такое сочетание двух национальных традиций вообще характерно для всей истории карело-финской культуры, в основе которой лежала и лежит многовековая исторически сложившаяся дружба карельского народа с великим русским народом. Поэтому нельзя не признать правильным путь овладения народным творчеством республики, избранный И. Г. Кутасовым.

В 1938—1939 гг. И. Г. Кутасов написал поэму «Две жизни». Эта поэма безусловно принадлежит к числу лучших произведений довоенной карело-финской литературы. Вместе с тем она явилась центральным произведением третьего периода творчества И. Г. Кутасова.

Основная тема поэмы — тема «найденной правды», осуществленных «чаяний и ожиданий народных». Эта тема была, как уже говорилось, одной из важнейших тем советского народного творчества эпохи завершения построения социализма. Эта тема нашла свое претворение и во многих произведениях, созданных русскими и карельскими сказителями К-ФССР второй половины 30-х годов. Достаточно напомнить письмо карельских сказителей Сталину, сказы Пашковой «По твоим заветам», А. Н. Корешковой «Как услышали мы восточку безрадостну», вепский сказ М. А. Мелькиной «Раньше дни-то были длинные, длинные...», Н. Г. Гречневой «Спасибо, отец Сталин» и мн. др. В основе большинства названных произведений — контрастное противопоставление старого новому и осмысление нового как воплощения вековых идеалов народа.

Мы уже говорили о том, что в творчестве Кутасова противопоставление старого новому в ряде стихотворений 1934—1937 гг. носило несколько внешний характер; сравнивался лишь старый пейзаж Карелии с современным, глушь и дикость с современным индустриальным развитием страны, без показа того, насколько изменились и жизнь, и сознание людей. Неподвижное старое сравнивалось с неподвижным новым, и жизнь изображалась вне ее развития, т. е. не получал применения один из важнейших принципов реализма.

Основная же идея поэмы «Две жизни» состоит именно в изображении развития и революционизирования сознания героя поэмы — «карела», олицетворяющего дореволюционный карело-финский народ. Сюжет поэмы прост: карел, жизнь которого тяжела и безрадостна, мечтает о радости и счастье:

Чтоб поляны украшались,
 Чтоб леса здесь красовались,
 Чтобы взморье богатело
 И весь край был полон хлебом,
 Чтоб злодей нас не коснул,
 Враг плодов бы не похитил,
 Никогда, пока на небе
 Золотой блистает месяц.

Как видно из приведенных строк, мечты карела, его мировоззрение характеризуются прямой цитатой из «Калевалы», впитавшей в себя отстаивавшиеся веками мечты карело-финского народа. «Карел» не знает причин своего тяжкого положения, его социальное сознание не пробуждено:

Исходил земли он много,
 Но добра нигде не видел,
 Лишь встречал он по дороге
 Гнет, и злобу, и обиду.

«Карел» обращается к ветру, месяцу и звездам, черной туче с одним вопросом — как избавиться от постылой жизни? Но ответа не получает:

Дальше он пошел унылый.
Песню пел. И в песне — горе:
«Для меня земля постыла,
Для меня постыло море...».
Так ходил он бесконечно,
Много бед встречал на свете,
Но вопрос его извечный
Оставался без ответа.

Песенная композиция — трехкратное повторение сходного действия — создает впечатление усиления недовольства и постепенной подготовки прояснения социального сознания карела. Во второй части поэмы карел, продолжающий искать правду, слышит издали песню —

Он прислушался сначала:
О борьбе и о свободе
Песня громкая звучала,
Столь желанная народу.

Эту песню поют политические ссыльные, большевики, сосланные царским правительством за революционную деятельность в Карелию. Карел обращается к ним, он слышал о том, что они борются за свободу народа:

Чтобы лучше и вольнее
Жизнь была бы у народа:
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом,
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц.

«Карел» рассказывает ссыльным о том, как он искал правду и как «вопрос его извечный оставался без ответа». Среди ссыльных — большевиков — Михаил Иванович Калинин. По мере беседы с ним и с другими ссыльными все больше и больше проясняется классовое сознание «карела». Если в начале поэмы «гнет и горе» казались народу стихийными силами, от которых нет освобождения, то теперь, под влиянием беседы с большевиками, он преодолевает фаталистические воззрения, столь ясно выраженные в ряде произведений традиционного народного творчества:

И теперь леса богаты,
Не скудеют наши горы,
Но беднеют наши хаты,
От налогов, от поборов.
Не погнили сети наши,
Ламбы рыбою богаты,
Но детей уводят наших
В службу царскую, в солдаты,¹ и т. д.

«Карел» начинает осознавать, что только сам народ, руководимый большевиками, сумеет добиться той правды, которую он искал, о которой веками мечтали его предки, сложившие руны «Калевалы». Заключительные строки 3-й части поэмы, вложенные в уста М. И. Калинина,

¹ «З», стр. 45—46.

звучат пророчеством, которое претворилось в жизнь в эпоху социализма. Именно к этой мысли и приводит поэт читателя всем развитием поэмы — от ее заглавия до последних строк:

Царь силен, но мы не стали
 Перед силой на колени.
 Наша сила — крепче стали:
 Нас ведет к победе Ленин.
 Хоть сейчас дикое время,
 Но живет в мечтах свобода
 И недолго будет бремя
 Тяготеть над всем народом.
 вспыхнет пламенем пожара
 Свет свободы в черной ночи,—
 Тяжким молотом удары
 Нанесет врагам рабочий.
 И тогда другое солнце
 Засияет в нашем небе,
 Зацветет земля Олонца,
 Край ваш будет полон хлеба,
 И в народе вдруг проснется
 Неизведанная сила,—
 И злодей нас не коснется,
 И плодов враг не похитит,
 И рассеется ненастье,
 Как одержим мы победу—
 Вот тогда узнаешь счастье,
 О котором пели деды!
 Это счастье возродится,—
 Будешь жить ты без печали,
 Как об этом говорится
 В мудрых рунах «Калевалы».

Таково основное идейное содержание поэмы И. Г. Кутасова «Две жизни». В этой поэме в наибольшей степени сказались результаты раздумий Кутасова над смыслом традиционного народного творчества. Кутасов правильно выделяет в эпической традиции карел самое ценное и самое прогрессивное: он трактует народную поэзию как поэтическое выражение мировоззрения народа, веками искавшего правду. В этом смысле «Две жизни» предшествуют послевоенным поэмам А. Титова «Обретенное счастье» и Б. Шмидта «Здесь будет город».

Вслед за народными сказителями, Кутасов видит в нашей современности завершение поисков правды, воплощение вековой мечты народа в действительность. Следовательно, Кутасов не просто обращался к старому народному творчеству, он ориентировался на современное народное творчество 30-х годов, переосмыслившее традицию в свете завоеваний эпохи победившего социализма.

Следует напомнить такие сказительские произведения второй половины 30-х годов, как сказки Господарева «Как рабочий и мужик правду искали», «Как Марья с Иваном сравнялась», Конашкова «Самое дорогое», и др.

«Две жизни» естественно сопоставить с известной поэмой А. Твардовского «Страна Муравия», основная идея которой вполне совпадает с идеей поэмы Кутасова. Твардовский своей поэмой разрешил проблему, поставленную в русской литературе Некрасовым, прекрасным знатоком русского народного творчества XIX в. Как известно, в «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов гениально обобщил золотые крупницы правдоискательства, рассыпанные по строкам русских песен, былин и сказок.

Никита Моргунок Твардовского исторически продолжил и завершил поиски правды «семи временно обязанных» Некрасова. Он, подобно «карелу» Кутасова, нашел эту правду в советской действительности. Несмотря на то, что поэма Твардовского написана двумя годами раньше «Двух жизней», нет никаких оснований говорить о влиянии Твардовского на Кутасова. Движимые патриотическим стремлением к созданию искусства, близкого народу, оба поэта, при всем различии дарований, правильно уловили основную идею советского народного творчества второй половины 30-х годов. Кутасов выразил ее средствами карельской народной поэзии, Твардовский — русской. Нет необходимости говорить о том, что поэма Кутасова во многом слабее, чем поэма Твардовского. Правильно уловив важный для карельской народной песни мотив обращения к стихиям, Кутасов не учел того, что обращение к стихиям свойственно, в основном, карельским лирическим песням. Герой или героиня такой песни поверяет свои любовные чувства солнцу, месяцу, звездам, ветру, тучам и т. д. Герой же поэмы Кутасова обращает к стихиям вопрос, полный общественного и политического содержания. Поэтому это обращение к стихиям приобретает не столько лирический, сколько отвлеченный и символический характер. Столь же символически и сам герой поэмы — карел, олицетворяющий весь карельский народ, как его поиски правды олицетворяют историческую судьбу карельского народа. Символичность основного образа и самого сюжета первой части затруднила Кутасову переход ко второй части поэмы, в которой изображается вполне реальный эпизод встречи карела с партией ссыльных большевиков, среди которых был и М. И. Калинин. Следует признать, что Кутасов не отступил от исторической правды. Вполне правдивы порознь и символически изображенный путь поисков правды карельским народом с постепенным прояснением социального сознания, и влияние на этот процесс великого русского народа, руководимого большевиками, чье учение воплотило в себе вековые чаяния народа. Однако приходится констатировать, что поэту не вполне удалось соблюсти художественную правду, не удалось создать вполне гармоничное целое. Отсюда целый ряд противоречий — мировоззрение карельского народа в прошлом удачно характеризруется — в первой части — средствами старой эпической традиции, однако средства эти явно недостаточны для выражения идеологии большевиков, высказывать которую автор поручил М. И. Калинин, недостаточны они и для выражения авторского сознания, постоянно присутствующего в поэме. Во второй части поэмы стилистический замысел ограничивает поэтические возможности Кутасова, сковывает развитие основной идеи поэмы. Поэт как бы повторяет ту ошибку, в которую впадали и некоторые сказители второй половины 30-х годов, не ощущавшие недостаточности старых поэтических средств для выражения нового содержания. Думается, что именно этим и объясняется сравнительно скромная роль, которую сыграла при всех своих достоинствах поэма Кутасова в истории советской поэзии 30-х годов.

Нет сомнения в том, что Кутасов преодолел бы со временем эти противоречия. Об этом свидетельствует настойчивое стремление Кутасова к созданию карело-финской массовой советской песни. В 1937—1941 гг., за исключением стихотворений, связанных с темой народного творчества, поэт пишет в основном песни. В эти годы им написаны: «Песня бригадира», «Песня кантелистов», «Поморская песенка», «Песня пограничных пионеров», «Возвращение с путины», «Песня карельской девушки», «Звени, наша песня», «У залива», «Песня кировцев», «Сплав

ная стахановская», «Песня юных туристов», «Песня карело-финской молодежи», и др.

Как видно из простого перечисления названий, И. Г. Кутасов стремился к широкому песенному творчеству, к созданию массовых песен, рассчитанных прежде всего на потребности молодежи республики. Многие его песни действительно были положены на музыку (В. Гудковым, Н. Леви, Гр. Чеховым и др.). Однако широкой популярности они не приобрели. Кутасову не удалось еще найти путь к созданию простой, содержательной и широкой массовой песни. Песни его суховаты и риторичны, и в них никак не сказывается прекрасная осведомленность поэта в русском и карельском народном творчестве. Песни Кутасова и стихотворения его по мотивам народного творчества кажутся написанными двумя разными поэтами. Некоторое исключение составляет, быть может, только «Песня карельской девушки», опубликованная в 1938 г. в журнале «Литературный современник». Она написана именно как песня и, в то же время, использует мотив, популярный в советском народном творчестве этих лет (милый уезжает на лесозаготовки, девушка, не отстающая от него ни в чем, стремится за ним). Однако Кутасов не смог удержаться от прямой стилизации — от простого подражания народной частушке:

Ой, не мил мне дом родной
С маменькой хорошею,
В лес уехал милый мой
С первою порошею . . .

Ой, зима, моя зима,
Ой, снега пушистые . . .
Встретит миленький меня
Под сосной ветвистою.

Совершенно ясно, что такие стихи еще не давали решения основной задачи, стоявшей перед поэтом, — задачи создания поэзии, опирающейся на национальные поэтические традиции и в то же время не повторяющей уже созданное народной поэзией, а идущей впереди ее развития.

Свести и спаять воедино два потока — литературную песню и народную традицию, — Кутасову так и не довелось. Смерть вырвала его из рядов советских поэтов.

Таков вкратце творческий путь И. Г. Кутасова, талантливого поэта-большевика, поэта-патриота, отдавшего все свои силы делу развития карело-финской советской поэзии.

БИБЛИОГРАФИЯ *

1. Стихи

1. Сын рыбака, газ. «Кр. Карелия», 1929, 3 марта, № 51, стр. 3.
2. Песня моряка, там же.
3. Перед трупом коня, там же, 1929, 10 марта, № 57, стр. 3.
4. Повесть о том, как шаман обманул самоеда, там же, 1929, 12 мая, № 105.
5. На финской границе, там же, 1931, 4 февр., № 28, стр. 3.
6. Наказ пограничнику, там же, 1931, 28 февр., № 44, стр. 1.
7. На Онежском — прорыв, там же, 17 апр. № 88, стр. 3.
8. Экспорт, ж. «Ударник слова», 1931, № 1, стр. 7.
9. Песня лесорубов, там же, 1932, № 1—2, стр. 16.

* Публикуемая библиография не является исчерпывающей. В нашем списке стихотворений, очерков и статей И. Г. Кутасова включены только первые публикации. Повторные публикации (напр. в ж. «Карелия» после газеты «Красная Карелия») не учитываются.

10. Матрос, там же, 1932, № 3—4, стр. 10.
11. Письмо в Канаду, там же, 1932, № 3—4, стр. 10.
12. Начало, газ. «Кр. Карелия», 1934, 23 марта, № 68, стр. 3.
13. Письмо товарищу Калинин, там же, 1934, 30 марта, № 74, стр. 3.
14. На бирже, там же.
15. В море, там же, 1934, 8 августа, № 181, стр. 3.
16. Молодая республика, там же, 1934, 15 августа, № 187, стр. 2.
17. Сильнее смерти, там же, 1934, 6 декабря, № 281, стр. 2.
18. Карьяла, альманах «Карелия», 1937, стр. 78—106.
19. Твоих стихов не гаснет пламя, а. «Карелия», 1937, № 2, стр. 77—82.
20. Стихи о лесе, там же.
21. Песня кантелистов, там же.
22. Памяти Кирова, а. «Карелия», 1937, № 3, стр. 158—161.
23. Из поэмы «Тойво Антикайнен», там же.
24. Песня бригадира, там же.
25. Летчику, а. «Карелия», 1938, № 3, стр. 55—57.
26. Поморская песенка, там же.
27. Перевод с карельского стих. А. Койвуне «Старушка», а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 140.
28. Приветствуем Джамбула, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 49.
29. Возвращение с путины, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 48—49.
30. Миша, а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 47—48.
31. Перевод с карельского стих. А. Койвуне «Четверке отважных», а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 152—154.
32. Перевод с финского стих. Т. Вятайнен «Тюремный круг», там же.
33. Песня пограничных пионеров, а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 75, повторная публикация с музыкальным переложением Гр. Чехова, см. а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 75.
34. В избирательном участке. а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 76.
35. Беседа, а. «Карелия», 1938, № 1, стр. 71.
36. Папанину, «Карелия», 1938, № 1, стр. 70.
37. Покорителям полюса, «Карелия», 1938, № 1, стр. 69.
38. Памяти Горького, «Карелия», 1938, № 1, стр. 17.
39. Песенка карельской девушки, ж. «Лит. современник», 1938, № 9.
40. Звучи, наша песня, «Кр. Карелия», 1939, 1 января, № 1, стр. 1.
41. Две жизни (поэма), отд. изд., Петрозаводск, 1939.
42. Песня кировцев (для хорового ансамбля рабочих и служащих ст. Петрозаводск), «Карелия», 1939, № 2.
43. Сплавная стахановская (для сюиты Р. Пергамента), «Карелия», 1939, № 2.
44. Песня юных туристов (из текста музыкального спектакля, написанного совместно с В. Г. Чеховым для Петрозаводского Дворца пионеров), «Карелия», 1949, № 2.
45. Перевод с карельского стих. Н. Гиппиева — «Шевченко», «Карелия», 1939, № 2, стр. 103.
46. Смерть, спрятанная в море (вольный перевод карельской эпической песни, записанной от И. Д. Александрова), «Карелия», 1939, № 2, стр. 100—102.
47. Сталину, ж. «На рубеже», 1940, № 1, стр. 3.
48. Запев, «На рубеже», 1940, № 4, стр. 1.
49. Сказка (из цикла «Беломорские стихи»), «Карелия», 1940, № 4, стр. 92—93.
50. Как ворона лису обманула (детская музыкальная пьеса по мотивам карельской сказки), «На рубеже», 1940, № 5—6, стр. 37—47. Совместно с В. Г. Чеховым.
51. Бессмертие. Светлой памяти С. М. Кирова, «На рубеже», 1940, № 5, стр. 13.
52. Перевод с финского стих. Крамсу «Песня порога», «На рубеже», 1941, № 4, стр. 38.
53. Песня карело-финской молодежи, «На рубеже», 1941, № 4, стр. 8.
54. Запевы (сборник стихов), отд. изд. Гос. Изд. К-ФССР, Беломорск, 1943, стр. 50. Вошли стихотворения: «Кантелист», «Запев», «Смерть, спрятанная в море», «Карьяла», «Кудекуш», «Сказка», «У залива», «Первомайская площадь», «Покорителям полюса», «Стихи о лесе» (I—III), «Песня кантелистов» и поэма «Две жизни».

II. Очерки и статьи

1. Список благодеев (очерк), газ. «Кр. Карелия», 1932, 27 июня, № 147, стр. 3.
2. Лесной край — Олония, там же, 1934, 24 дек., № 296, стр. 2—3.
3. Заводы в руках настоящих хозяев (очерк), там же, 27 декабря, № 299, стр. 2.
4. Семья котельщика Буторина (очерк), там же, 1935, 1 янв., № 1, стр. 2.
5. Сельсарь, музыкант, поэт (очерк), там же, 1935, 29 апр., № 99, стр. 3.

6. Путь восстановления и подъема (счерк), ж. «Карело-Мурманский край», 1935, № 5—6, стр. 38—41.
7. Карельский мрамор (очерк), газ. «Кр. Карелия», 1935, 3 сент., № 202, стр. 3.
8. Слюдянка (очерк), там же, 1935, 28 сент. № 223, стр. 2.
9. Великое богатство, там же, 1935, 30 сентября, № 225, стр. 2.
10. Творчество начинающих поэтов, «Карелия», 1937, № 2, стр. 135—141.
11. «Сказы и плачи о Ленине» (рец.), там же, 1936, 2 апр., № 75, стр. 3.
12. «Старая и новая Карелия в частушке» (рец.), там же, 1938, 16 апр., № 87, стр. 3.
13. О книге С. Норима «На рубеже» (рец.), а. «Карелия», 1938, № 2, стр. 152—157. Совместно с Б. Г. Базановым.
14. Классики о стихах Александра Иванова, «Карелия», 1939, № 3, стр. 138.
15. Прошлое и настоящее Петрозаводска, отд. изд. Петрозаводск, 1939, 87 стр. Совместно с Ф. А. Трофимовым.
16. Матвей Михайлович Коргуев (очерк), «Карелия», 1940, № 6, стр. 92—108.
17. «Былины П. И. Рябинина-Андреева» (рец.), ж. «На рубеже», 1940, № 1, стр. 39—40.

III. О Кутасове

1. Кучепатов Н., Под знаком творческого роста, газ. «Кр. Карелия», 1934, 23 апреля, № 34, стр. 3—4.
2. Саянов В., По пути побед. Доклад на Всекарельской конференции писателей, там же, 1934 г., 16 июня, № 137, стр. 3.
3. Грибачев Н., Чему нужно учиться, там же, 1934, 12 июня, № 134, стр. 3.
4. Грибачев Н., Вокруг темы (обзор), там же, 1934, 14 сент., № 212, стр. 3.
5. Кучепатов Н., За 30 лет (1904—1934), альманах «Начало», 1934, стр. 48—56.
6. Грибачев Н., Критику на уровень советской литературы, газ. «Кр. Карелия», 1935, 28 февр., № 49, стр. 4.
7. О работе карельских писателей, там же, 1937, 30 мая, № 122, стр. 1.
8. Базанов-Унжак В., Карельская литература сегодня, там же, 1935, 27 июня, № 170, стр. 3.
9. Грибачев Н. О работе карельских писателей, там же, 1937, 3 мая, № 122, стр. 1.
10. Базанов В., Литература Советской Карелии, а. «Карелия», 1937, № 3, стр. 229—243.
11. Колосенок С., Накануне съезда писателей, газ. «Лен. знамя», 1940, 13 декабря, № 285, стр. 3.
12. Сюкияйнен И. И., Роль писателей в развитии культуры карело-финского народа, там же, 1940, 22 дек., № 293, стр. 3.
13. Первый съезд писателей Карелии, там же, 1940, 28 дек., № 296 и др.
14. Колосенок С., Первый съезд писателей К-ФССР, ж. «На рубеже», 1940, № 5—6, стр. 6—10.
15. Базанов В. Г., «Карелия в художественной литературе», в кн. того же названия. Петрозаводск, 1940, стр. 32—34.
16. Базанов В., И. Кутасов, «Запевы» (рецензия), там же, 1943, 28 сент., № 199, стр. 2.
17. За дальнейший подъем литературы, там же, 1943, 11 июля, № 143, стр. 1.
18. Чехов В. и Тимонен А., На обновленной земле, газ. «Лит. газета», 1948, 24 июля.